

ЧЕЛОВЕК ЗЕМЛИ

ПОСЛЕ книги «Человек», удостоенной Ленинской премии десять лет назад, Эдуардас Межелайтис подарил читателям немало прекрасных произведений. И «Лирические этюды», и «Кардиограмма», и «Ночные бабочки»... А память снова уводит к той. Слишком емко и плотно она написана, очень многое в ней «забегает» вперед, и, наверное, не один еще год читателям предстоит размазывать тугой клубок поэтических мыслей о судьбах Земли, о смысле человеческой жизни, о веке...

Держишь эту маленькую книжницу. Проглядываешь названия глав. Руки. Сердце. Голос. Мысли. Шаги. Мгновения. Слово... И думаешь, не к каждому ли из нас и сегодня она обращена, не каждого ли вопрошает, о чем стучит сердце, чем заняты мысли, куда устремлены шаги. И еще: не о самом ли поэте, человеке Земли и сыне XX века, ее слово.

В ЕГО ДОМЕ почти всегдалюдно. Сюда любят приходить и здесь любят принимать. В рабочем кабинете поэта, где со всех сторон на тебя наступают книги, родившиеся в разные века, на разных континентах (свои, собираясь, скажем, подарить, он извлекает из недр письменного стола), за чашкой крепкого кофе кружат, как ночные бабочки у огня, разговоры.

— Ну, что нового в Москве? Только все по порядку: в театре, в музыке...

И ведь знаешь, что он прекрасно информирован обо всем. Что слушает радио, следит за периодикой, литературой, искусством... Хитро подмигивает мне из угла весельчак Юзе: смотри, мол, хозяин не может жить без ритмов планеты!

Перехватив взгляд, Эдуардас Беньяминович представляет: «Работа моего большого друга Стасис Ряубы, талантливого народного скульптора по дереву. Живет себе в лесу. Придешь к нему: в лес ушел. В другой раз, в третий... Где-то ходит там, по своим стезям-дорожкам. Потом возвращается, весь увешанный веточками, фантастические изогнутыми корягами, над которыми будто колдовать потом его руки. Сидим на заливнике — разговариваем»...

Но бывает, на несколько недель и даже иногда на месяц стихает в доме гомон, и мхнатый друг поэта—его сестер, улегшись на пороге, стережет рабочую тишину, сердито отзывается на телефонный звонок или непрошенный стук. Хозяин дома работает.

Меня всякий раз удивляли его черновики. Даже и не приложишь это слово к тем огромным блокнотам, которые напоминают фоллианты.

Он как-то сказал (и многое прояснил тем самым): «Стихи начинают дуть—я уже написал их здесь и здесь», — и прикоснулся рукой к голове и сердцу.

Он любит работать, слыша музыку слова, даже и не «в четыре руки», а правильное сказать—полифонично. Сейчас на письменном столе его шестая книга (разработка тем «Человека») — «Вашни иллюзии». Здесь же расправляет крылья его «Янтарная птица» — новая книга к пятидесятилетию СССР, разговор по душам с молодежью. О сложности бытия, о трудности пути, на котором было завоевано все на земле отцов. О чем еще? Об умении мечтать, задумываться о жизни... О самой многогранной жизни, что, подобно птице, в крыльях которой отражается солнце, раздвигает горизонты, устремляясь к звездным вершинам коммунизма. Поэтический образ? Да.

Он беседует с вами и мысленно пишет книгу. Летит в лайнере — и торопится (осталось несколько страничек!) завершить цикл о Чорленисе. Он работает...

КНИГИ отметили его шаги по дорогам планеты. Они сохранили аромат цветущей сакуры, пенный бег Ганга, раздирающий плотку Бродвей, симфонию латиноамериканских красок и ритмов.

Всегда поражает, как собирается Межелайтис в дорогу. Готовится исподволь, прочитывая массу книг и мысленно проходя весь путь, который придется проделать. Он уезжает во второй раз в Индию — и читает «Открытие Индии» Неру. Сказал потом: «Чувствуется, что написана на одном дыхании, словно человек сел за нее и встал только тогда, когда поставил последнюю точку. Настоящая публицистика». Он отправлялся в Японию и был весь уже во власти «японского материала». Вспоминал строчки из японской поэзии: «Поэзия началась тогда, когда Земля отделилась от неба». И в тон стихам продолжал: «А когда может прекратиться поэзия?»

Он давно, с юности, собирается в Норвегию («человеку хочется пройтись след за следами памяти») — снова перелистывает Ибсена, Гамсуна, слушает Грига... Так всегда. Может быть, потому так естественно и органично входят в его стихи, родившиеся после этих поездок, поэтические образы разных народов, разных стран.

Он завершил недавно параболический круг — путешествие по местам, что хранят память о человеческих трагедиях, разыгравшихся здесь. Человеку надо порой покинуть теплый уютный дом и отправиться в дорогу, чтобы почувствовать себя в пространстве и времени. Человеку все надо увидеть собственными глазами, какая сказочно красивая дорога ведет через Тюрингский лес. Весной она утопает в цветах, зимой ее обступают хороводы по-девичьи стройных елей. Чудесная дорога, ведущая путника... в Бухенвальд. Надо увидеть стаи бумажных журавликов, приземлившихся на городской площади со всех концов света. Но так и не спасших маленькую японскую девочку...

А вернется домой и отправится на рыбалку (он любит шутить: «Поэзия — мое хобби, профессия у меня — рыбацкая»). Закинув удочки, будет смотреть, как играют в воде форели, и думать, думать, думать. Дойдут руки и до его рыбацкого дневника — рождается еще одна книга: «Муза и форель».

— МЕНЯ мучает в последнее время мысль о вещах, которые порой занимают людские умы, вторгаются в семьи и даже разрушают их. Вещи, которые несут сытость, благополучие, но нередко и душевную сытость и успокоенность. Мы часто говорим человеку, что высший идеал его — служение общему благу, готовность пожертвовать собой во имя Родины — пой-ти умереть на поле битвы. А вы, мол, оставшиеся, живите себе хорошо — мы создали вам рай на земле.

В индийской философии очень хорошо сказано: человек думает о бессмертии потому, что он смертен. Думает по-разному. Конечно, мы отрицаем «небо». Но антиподом этого отрицания бывает и такое: живем один раз на Земле, отсюда и мешанская философия — сжигать жизнь. А человек должен оставить след, свой след в жизни. Это уже из сферы творческой, а не потребительской — «мне», «для меня», «моя»...

Все это нам чуждо. Социальный и научно-технический прогресс у нас служит не только все возрастающим материальным, но и духовным потребностям всех, кто трудится. Мы же призваны менять не только природу, но и природу человека, если хотим не только изменений вокруг, но и в нем самом. Конечно, без мира вещей не обойтись (кто говорит, что нужен аскетизм), но идти вперед можно, лишь формируя личность каждого. Надо оставить простор в жизни для мысли. И для мечты. Мы можем и должны опереться здесь на эстетику, на искусство, поэзию, музыку. Нам поможет время, штурмующее дороги Вселенной, устремляющееся в глубины атома, прислушивающееся к

зову человеческого сердца. Время, демонстрирующее, как талантлив человек, как красив и прекрасен... Надо писать, писать, писать об этом!..

— НЕ ОЗНАЧАЕТ ли это, Эдуардас Беньяминович, что вы отдаете больше предпочтения интеллектуальному в искусстве?

— О, мы много спорим на эту тему — интеллектуальное, эмоциональное... Есть сторонники первого, поклонники второго. И то, и другое должно быть в поэзии. С удовольствием читаю Есенина. Люблю его...

— Но вся история искусства доказывает тенденцию к интеллектуализму, к мысли. И древнегреческое искусство ведь тоже?

— Да, конечно. Даже надписи, таблички в древнегреческом театре графически точно передавали мысль... Но разве можно отделить мыслящего художника от его эмоций? Вы знаете, каким успехом пользуются сейчас стихи Блока и Есенина...

— А может быть, это просто читательская тяга к традиционности?

— Увидеть поэту такое — это значит, по-моему, стремиться облегчить себе жизнь. Были отличные мастера подобного рода. Но сегодня работать в устаревшей, освоенной манере, — по-моему, это уже элигонство. Такие традиционные вещи не трогают. Мы ошибаемся, когда думаем, что человек остался прежним. Спектакль часто стареет раньше, чем зритель.

— Ваши книги, Эдуардас Беньяминович, буквально населены литературными образами прошлого, именами великих мастеров, созданными ими творениями...

— Люблю изобразительное искусство, скульптуру, архитектуру, музыку. Мы так тесно работаем вместе — и художники, и композиторы, и писатели. Мы должны «занимать» друг у друга. Не повторять, но вложить свою мысль, свои понятия в те образы, которые создали великие мастера.

— И значит, заставлять читателя думать?

— Мне кажется, невозможно вести разговор с современником вне тех образов, понятий, слов, которые рождены нашим XX веком. Если тебе есть что сказать нового, ты неизбежно будешь искать и соответствующие, подходящие этому слова. Но все то, где нет человека, где нельзя передать мир человека, повести диалог с ним, — по мне уже не искусство...

Нам надо воспитывать в советском человеке (в каждом) творца, создателя коммунизма. Потому что творчеством может (и должна) быть напоена любая работа — и на заводе, и в поле, и за письменным столом, и в воспитании детей. Это все радость. А значит, и поэзия.

ЕСТЬ ЛЮДИ, общение с которыми можно сравнить разве что с хорошей музыкой, — это как после прекрасного концерта: вы спешите домой, и вам кажется, что выросли крылья, и вы стали лучше, красивее, добрее, и хочется начать все сначала, жизнь с новой отметки. Наверное, в этом великая сила искусства и его творцов — возвышать и утверждать в человеке человеческое, чтобы каждый наедине с самим собой мог бы сказать о себе строчками Эдуардаса Межелайтиса: «Что земля без меня?».

А. КУРЖИЯМСКАЯ.